

Семирѣчьи бывали случаи, когда переселенцы переходили границу и селились въ предѣлахъ Китая, и весьма дивились, когда оказывалось, что занятая ими земля не Бѣлаго Царя, и ихъ удаляли съ нея по требованію китайскихъ властей. Этимъ чувствомъ и жила древняя Русь; это чувство сохранило русскій народъ во время монгольскаго ига, оно воодушевляло русскихъ въ то время, когда вся жизнь русскаго народа была борьбою за свое существованіе. Но когда настала безопасность отъ внѣшнихъ враговъ, когда было достигнуто умиротвореніе внѣшнее, русскій народъ оказался безсильнымъ для умиротворенія внутренняго, потому что умственно былъ мало развитъ, умственный кругозоръ его былъ узокъ, такъ какъ, поглощенный во всю долгую жизнь свою борьбою за существованіе, онъ жилъ обособленно отъ тѣхъ народовъ, — отъ народовъ Запада, — которымъ досталось въ наслѣдіе знаніе древняго міра. Самъ же русскій народъ наслѣдовалъ отъ Византіи только вѣру, указывающую ему долгъ его, чтобы на землѣ былъ миръ. Для умиротворенія внутренняго, кромѣ вѣры, нужно еще, какъ это выше сказано, знаніе природы внутренней, человѣческой, и знаніе природы внѣшней, знаніе, дающее власть надъ природою, дѣйствующею въ насъ и внѣ насъ, нужно умѣнье управлять природою, теперь господствующею надъ нами. Только такое знаніе и можетъ быть основаніемъ истиннаго міра, можетъ дать силу, способность установить миръ. Петръ Великій и пошелъ къ западнымъ народамъ добывать такое знаніе и прорубилъ для этого окно на Западъ, построивъ Петербургъ. Но вмѣстѣ съ знаніями принесены были съ Запада возрѣнія, понятія, строй жизни, порядки, выработанные совсѣмъ иною жизнью, чѣмъ наша. Наша жизнь, прошедшая подъ угрозою самому существованію нашему, выработала въ насъ чувство общности, чувство родства со всѣми участниками въ защитѣ отъ общаго врага, чувство солидарности, сознаніе долга. Въ западныхъ же народахъ, жившихъ въ безопасности, нами же защищенныхъ отъ нашествія кочевниковъ, выработалось, напротивъ, стремленіе къ индивидуальной свободѣ, стремленіе разойтись, расторгнуть всякаго рода союзы; каждый полагался на свои

всѣединства всѣхъ лицъ, живущихъ и когда либо жившихъ, безъ всякихъ исключеній, родъ человѣческой уподобится Божественному Трѣединству и войдетъ въ единство съ самимъ Богомъ, во исполненіе молитвы Спасителя Нашего, — „Да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во мнѣ и я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино“ (Іоан. XVII, 21). Достигнувъ единства съ Богомъ, человѣкъ станеть и сыномъ Божиимъ, — не переставая быть въ то же время и человѣкомъ, подобно тому, какъ Господь Нашъ Іисусъ Христосъ, ставъ истиннымъ человѣкомъ, не пересталъ быть и Богомъ. Для отдѣльныхъ лицъ или для группы только лицъ совершенство не возможно, невозможно, слѣдовательно, и единство съ Богомъ. Для отдѣльныхъ лицъ и лишь для нѣкоторыхъ, хотя бы и очень многихъ, не возможно осуществленіе молитвы Господней, произнесенной въ самый великій моментъ Его служенія („Да будутъ всѣ едино“), и въ такомъ случаѣ, т. е. если родъ человѣческой не достигнетъ *всѣединства*, подобнаго божественному Трѣединству, миссія, — ради которой приходилъ Господь на землю, принявъ такія страшныя мученія и даже смерть, — останется неисполненною. Возможно ли это, возможно-ли, что-бы жертва, принесенная Господомъ, осталась безплодною? По всему вышеизложенному мы, чтуше Бога, который „всѣмъ человѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины прийти“ (1-ое Тимов. II, 4), чтобы никто не погибъ (2 Петра, III, 9), позволяемъ себѣ думать, что пророчество о страшномъ судѣ условно, какъ пророчество пророка Іоны, какъ и всякое пророчество, ибо всякое пророчество имѣетъ воспитательную цѣль, имѣетъ въ виду исправленіе тѣхъ къ кому оно обращено, и не можетъ осуждать на безысходную гибель даже тѣхъ, которые во время произнесенія пророчества и не родились еще.